

«Рассказы из Тоно» японского этнолога Янагита Кунио, или О том как наука превратилась в литературу

А.Н. Мещеряков

Янагита Кунио (1875–1962) – самый титулованный японский ученый-гуманитарий: посмертно он был награжден орденом Утреннего солнца, ему был пожалован 3-й старший придворный ранг. Энциклопедические словари аттестуют Янагиту как родоначальника японской этнологии. В ее становлении Янагита действительно сыграл значительную организационную роль, является он и автором множества трудов, которые принято называть «этнологическими». Однако в сознании широкого читателя его имя ассоциируется прежде всего с составленным им фольклорным сборником «Рассказы из Тоно» («Тоно моногатари», 1910). При жизни автора «Рассказы» не снискали большой популярности, однако впоследствии превратились из периферийного текста в «визитную карточку» знаменитого ученого. При этом в создании общепонского культа «Рассказов из Тоно» главную роль сыграли не ученые, а литераторы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Япония, Янагита Кунио, «Тоно моногатари», фольклор, этнология, литература.

МЕЩЕРЯКОВ Александр Николаевич – Институт классического Востока и античности НИУ ВШЭ.

Доктор исторических наук, профессор.

meshtorop@yahoo.com

Цитирование: *Мещеряков А.Н.* «Рассказы из Тоно» японского этнолога Янагита Кунио, или О том как наука превратилась в литературу // Вопросы философии. 2019. № 2. С. 94–106.

«Рассказы из Тоно» – самое знаменитое ныне произведение этнолога Янагиты Кунио¹. Оно вышло в свет в 1910 г. Книга (по размеру, скорее, брошюра) представляет собой запись 119 легенд, преданий и быличек, рассказанных Янагите молодым литератором, выходцем из деревни Тоно (преф. Иватэ, район Тохоку на северо-востоке страны) по имени Сасаки Кидзэн (Кёсэки, 1886–1933). Таким образом, эта книга есть результат творческого сотрудничества двух деревенских уроженцев (Янагита родился в деревне Цудзикава, префектура Хёго), которым казалось, что «народное творчество» должно ввести в интеллектуальный оборот. В традиционном бесписьменном обществе задача передачи традиции лежит на стариках, но в Японии начала XX в. были грамотны уже почти все, и возраст хранителя (регистратора) фольклора уже не имел прежней важности.

В предисловии к «Рассказам» Янагита без соблюдения какого-либо политеса повествует о распределении творческих ролей: Сасаки – человек, который «заслуживает доверия», но неумелый рассказчик (видимо, прежде всего имеется в виду, что Сасаки говорил на диалекте). Поэтому именно Янагите и пришлось положить текст на бумагу после нескольких встреч с Сасаки в феврале 1909 г. [Янагита 2016, 5]. Сам Янагита переселился в Токио еще в 1890 г. Обучаясь в гимназии, увлекался поэзией (сначала

традиционной, а затем и европейской), публиковался, был знаком со многими молодыми людьми, которые впоследствии стали прославленными литераторами. После окончания Токийского университета в 1900 г. Янагита стал чиновником. В 1909 г. он работал в юридическом отделе Кабинета министров и по совместительству в Министерстве двора. Янагита обладал независимым и любознательным характером, интересовался вещами, которыми не был обязан интересоваться по долгу службы. Забросив собственное поэтическое творчество, он не порывал с литературными кругами, но уделял все больше времени изучению «народной жизни». Он много путешествовал, причем его маршруты проходили по глубинке. Его наблюдения и путевые заметки постепенно закладывали основы того, что позже назовут этнологией. Продуктом этого интереса и стали «Рассказы из Тоно».

Префектура Иватэ воспринималась обитателями центральной Японии как настоящая глубинка. Когда Янагита впервые побывал в Тоно, ему пришлось сначала ехать на поезде, потом на трех рикшах, потом — верхом на лошади. Прежде там жили айны, но японцы оттеснили их к северу. Теперешние обитатели этого района были потомками пограничников, японским аналогом казаков, и обладали нравом смелым и отчаянным. В Иватэ было холодно и снежно, рис рос плохо, там добывали золото, били дичь, по лесам бродили волки, до многих горных деревень было не добраться. Район всегда славился лучшими в стране лошадьми, но когда в Японию завезли статные европейские породы, слава померкла — европейские были крупнее, сильнее, быстрее. Местное население рубило лес, современность являла себя в производстве железнодорожных шпал и таких же прямых спичек. В то время японцы вообще не отличались высоким уровнем жизни, а уж в Иватэ было совсем неважно, неурожай случались часто, люди нередко подголодаывали. Зато там сохранялись прежние обыкновения и верования, люди рассказывали друг другу сказки, верили в то, во что «цивилизованный» японец верить уже напрочь отказывался. Но тогда фольклор мало кто считал богатством. То, что Янагита решил ввести в городской оборот местные предания, было делом пионерским.

В тысячетомной энциклопедии «*Кодзи руйэн*», где собраны почерпнутые из письменных источников (от древности до середины XIX в.) исторические сведения о самых разных сторонах жизни Японии, не нашлось места для этнологического (этнографического) раздела. Эта энциклопедия была издана под патронажем государства и отражала убеждение, что предметом гуманитарной науки является прежде всего жизнь государства и высших классов. Образовательная политика была направлена на то, чтобы «просвещать» народ, а не изучать его. С первых годов периода Мэйдзи (1867–1912), когда правительство приступило к модернизации (вестернизации) страны, оно повело решительную борьбу против «предрассудков», «отсталых» обычаев и обыкновений. Запрещалось то, к чему сами японцы привыкли давным-давно, но что не нравилось чувствительным европейцам, среди которых находилось немало миссионеров, а их было так легко оскорбить в лучших чувствах. И тут уж под горячую правительственную руку попадали и бани с совместным купанием мужчин и женщин, и привычка мочиться на улице, и послеобеденный сон, и сексуальное раскрепощение во время некоторых празднеств, и многое другое. Показательно отношение «просвещенной» части общества к широко распространенным среди «простонародья» верованиям в привидения. Философ и просветитель Иноуэ Энрё (1858–1919) тщательно собрал целых шесть томов преданий о них, но сделал это с совершенно конкретной целью: доказать, что привидения есть не что иное, как предрассудки и абсурд.

В тогдашней Японии обычаи «простых» людей больше интересовали иностранцев, чем самих японцев. Японские ученые предпочитали исследовать обычаи аборигенов Тайваня, который отошел к Японии в 1895 г. Превращение Японии в колониальную державу знаменовало серьезный мировоззренческий сдвиг. Если до присоединения Тайваня в «Токийском антропологическом журнале» время от времени появлялись статьи о японских обычаях, то после присоединения их вытесняют публикации на тайваньском материале. Европейские этнографы того времени изучали в первую очередь «примитивные» этносы, стать объектом изучения означало признание того, что находишься на более

низкой стадии развития, чем сам ученый. Слишком многим образованным японцам было приятнее осознавать себя субъектом, а не объектом исследования.

Обращаясь к японскому фольклору, Янагита шел против течения. Это касается не только тематики, но и языка, которым записаны «Рассказы из Тоно». «Передовые» литераторы того времени стремились рассказывать о своих героях на разговорном языке. Они пытались избавиться от наследия прошлой эпохи, когда престижным считался литературный язык (*бунго*), весьма далекий от разговорного. Однако Янагита поступил по-другому: рассказы Сасаки он изложил именно на литературном языке, то есть фактически перевел их, что, разумеется, сильно снижает ценность «Рассказов из Тоно» как фольклорного источника, однако придает тексту литературное измерение. Таким образом, по главным характеристикам, тематике и языку, «Рассказы» выбивались из современного дискурса, что во многом объясняется чрезвычайно развитым в Янагите чувством противоречия. Сам он прекрасно отдавал себе отчет в «отдельности» своего труда и откровенно утверждал в предисловии, что его книга «идет вразрез с веяниями времени».

Предвидя, что многие будут удивлены его подходами, автор апеллировал к созданному девять столетий назад сборнику жанра *сэцува* (короткие рассказы нравоучительного буддийского содержания) – «Стародавним повестям» («*Кондзюку моногатари*»), которые, естественно, были написаны на литературном языке². В «*Кондзюку*» повествуется о разных чудесных происшествиях, которые случились в те времена, когда буддизм определял мировоззрение японцев. Но то было давно, говорит Янагита, а «Рассказы из Тоно» фиксируют то, что находится перед глазами, реалии нынешнего времени [Янагита 2016, 7]. Многочисленные произведения жанра *сэцува* состоят из череды рассказов, которые услышал автор (регистратор) и собрал воедино. «Авторы», как правило, отреклись от авторства, заявляя, что просто честно кладут на бумагу рассказы очевидцев тех или иных событий. Точно так же поступил и Янагита. Правда, на обложке «Рассказов из Тоно» стояло его имя.

«Рассказы из Тоно» повествуют о встречах реальных людей с реальной для них горной нечистью: с «горными мужиками» *ямаотоко*, с *тэнгу* (японским аналогом лешего), *каппа* («водяными»), волками, медведями, злобными обезьянами, хитрыми лисами. Рассказывают они и о чудесах, странных, необъяснимых событиях. Истории расположены в произвольном порядке и, видимо, воспроизводят последовательность устных рассказов Сасаки. В отличие от средневековых *сэцува* в них отсутствуют обобщения и морализаторство. Нет и попыток описания «внутреннего мира» человека, выявления психологических мотивировок поступков, чем были так обеспокоены литературные друзья Янагиты. Герои из Тоно не «думают», они «поступают». Точно так же «поступает» с ними и нечисть, которая запросто похищает детей, брюхатит крестьянок и убивает рожденных от этого «неравного» брака детей на том основании, что они не похожи на отца (№ 6, 7). И люди, и эти существа из одного мира и одного материала. Когда житель деревни отправляется в горы на охоту и видит прекрасную белокожую девушку, которая, сидя на камне, расчесывает волосы, он немедленно вскидывает ружье и убивает ее – без всякого объяснения причин. Стрелок срезает у нее локон, но по пути домой «горный мужик» отнимает у него эту прядь (№ 3).

Общая атмосфера «Рассказов из Тоно» далека от идиллической: нечисть творит свои непригожие и страшные дела, люди тоже далеки от идеала. Временами повествование напоминает хронику уголовных преступлений, убийства односельчан в порядке вещей. «Яносукэ отправился далеко в горы за грибами и заночевал в шалаше. Глубокой ночью он услышал шемящие сердце пронзительные женские крики. Вернувшись в деревню, он узнал, что этой ночью в то самое время, когда он услышал крики, его младшую сестру убил ее сын» (№ 10).

Янагита предусмотрительно написал в предисловии, что читатели содрогнутся от этих историй. И сам он не испытывает никакого умиления от жизни горцев. Янагиту интересовала не только нечисть, но и люди, которые в нее верят, люди, которых никак не подогнать под шаблон предупредительных и социально безопасных «равнинных»

японцев, кому он адресовал свою книгу. Иными словами, его интересовали маргиналы. Что хотел сказать Янагита, демонстрируя их остальной Японии? Хотел ли он показать, что помимо той Японии, где жизнь предсказуема и вежлива, существует и совсем другая страна? Прилежащие к официозу «равнинные» японцы на разные голоса расхваливали свою среду обитания, представление о том, что японская природа — самая красивая в мире, сделалось общим местом и частью государственной идеологии; см.: [Мещеряков 2014]. Однако Янагита демонстрировал, что среда обитания горных жителей представляла собой страшную и враждебную человеку стихию. В то время как идеологи упражнялись в славословиях относительно социальной «гармонии», изначально пришедшей японцам, фольклор Янагиты свидетельствовал: горский социум полон жестокости, чужаков там ненавидят. Так, например, в одном из рассказов (№ 28) повествуется о том, что к некоему охотнику зашел незнакомец и стал поедать рисовые колобки, которые тот приготовил для себя. Опасаясь, что на следующий день случится то же самое, охотник раскалил на огне белые камни и стал потчевать ими вновь нагрянувшего человека. Тот обжегся и убежал, а охотник потом обнаружил его труп. Даже от местных богов следует ожидать не столько помощи, сколько наказания (преимущественно за непрошеное вторжение на их территорию). Только в немногих историях повествуется о том, как божество помогло людям, что составляет разительный контраст по отношению к буддийским преданиям *эцува*, которые, как правило, повествуют о вознагражденной добродетели и наказанном злодействе.

Ключ к пониманию «Рассказов из Тоно» содержится в серии статей Янагиты, в которых он обсуждает проблему этногенеза японцев. Согласно Янагите, на территории «нашей островной империи» изначально проживали аборигены-охотники. Пришельцы (японцы) обладали более высокой культурой (ее основная черта — рисосеяние) и вытеснили аборигенов в горы. Эти горцы являются отдельным этносом. Часть его «спустилась с гор» и была ассимилирована. Основной причиной их переселения является то, что им нравился рис, который «выманил» их на равнину. В период Нара (VIII в.) процесс ассимиляции следует считать в общем и целом завершенным, однако часть аборигенов все равно осталась жить в горах и продолжает существовать до сих пор. Явленная в фольклоре «горная нечисть», которая вредит «настоящим», равнинным японцам, есть не что иное, как отражение злых чувств насельников по отношению к пришельцам, которые покорили их. Поэтому горы — это отнюдь не только пейзажный идеал красоты (а именно этот аспект выходит на первый план в рафинированной городской культуре), горы — это еще и резервуар варварства и нечисти. Описывая и воображая себе жизнь японских горцев, Янагита уподоблял себя римлянину Тациту, который описывал варваров-германцев, что, безусловно, свидетельствует об уровне амбиций Янагиты.

Книга Янагиты была пионерской в том смысле, что предоставляла право голоса людям, верившим в чудеса. «Равнинные» японцы считали их за глаза «дикими» и «некультурными», но знали о них мало. Представленные Янагитой тексты производили на читателей отталкивающее впечатление.

Янагита издал «Рассказы» за свой счет. Книга имела тираж в 350 пронумерованных экземпляров. Экземпляр № 1 Янагита подарил Сааки, второй оставил себе, 200 экземпляров раздарил, остальные продал по цене в 50 сэн. Продажа 150 экземпляров принесла ему прибыль в 30 с небольшим йен.

«Рассказы из Тоно» прошли практически незамеченными и не получили широкого отклика. Судя по всему, Янагита хотел произвести впечатление прежде всего на друзей-литераторов, творческие поиски которых ему не нравились. Он осуждал их за мелкотемье и самокопание. Их интересовала прежде всего городская жизнь, они равнялись на современную западную литературу. Поэтому реакция друзей на труд Янагиты оказалась неоднозначной. Считающийся зачинателем японского натурализма и эго-романа Таяма Катай (1871–1930) обозвал «*Тоно моногатари*» «бьющей через край деревенской дикостью» и «дилетанством», предположил, что автор стремился работать «под старую бабку», что не лишено интереса как литературный прием, но содержание бабкиных рассказов лично его не увлекает.

Прославившийся впоследствии поэт и прозаик Симадзаки Тосон (1872–1943) нашел, что «Рассказы» напоминают по настроению «Непрошенную» Метерлинка и заключил, что автор исходил из необходимости «развивать народ». Однако «исследователь народной психологии» и «собираатель чудес» оказался ему не так близок, как Янагита-путешественник. В этом отношении Янагите с его многочисленными путевыми заметками, по мнению Симадзаки, не было равных. Рецензент хотел сказать, что «Рассказы из Тоно» не явились результатом непосредственного опыта Янагиты, а оказались «всего лишь» записью чужих рассказов [Усуи (ред.) 1972, 258–259]. Идзуми Кёка (1873–1939) сделал себе имя на адресованной широкой публике развлекательной беллетристике про привидения. Он назвал книгу Янагиты чрезвычайно интересной и написанной «живо» на основе устных рассказов о привидениях (*кайдан*). Рецензенты отмечали, что им было любопытно узнать про деревенские диковинки, но никто из них не нашел, что имеет дело с текстом, имеющим научную ценность [Усуи (ред.) 1972, 253–257; Янагита 2016, 221–223].

В любом случае реакция литературных друзей Янагиты оказалась весьма прохладной, и с этого времени он окончательно отходит от литературного круга. Рецензий, написанных не литераторами, а учеными, вообще не появилось, серьезные ученые не восприняли идею Янагиты о горцах. Через какое-то время сам он тоже отказался от нее. Его внимание стала больше занимать другая идея: родство японцев и окинавцев. Публикационная и лекционная деятельность Янагиты была чрезвычайно активной, но «Рассказы из Тоно» были прочно позабыты – как самим автором, так и публикой.

Переиздания «Рассказов» пришлось ждать ровно четверть века. В 1935 г. Янагите исполнилось 60 лет. Именно тогда и был опубликован расширенный вариант «Рассказов из Тоно». В книгу вошли 119 текстов издания 1910 г. и 299 новых историй. К этому времени термин «этнология» уже был на слуху. В пояснении ко второму изданию Янагита написал, что за четверть века, которая прошла со времени первого издания, ситуация радикально изменилась: в 1910 г. он был по существу одиночкой, но за истекшее время появилось множество людей, делающих ту же работу, что и он сам. В послесловии к книге младший коллега Янагиты – Орикути Синобу (1887–1953) – отмечал, что этнология «в наибольшей степени соответствует нашему сердцу и нашей земле». Орикути был авторитетной в этнологических кругах фигурой. Кроме того, в отличие от Янагиты, он оставался действующим (то есть публикующимся) поэтом до конца жизни. Топоним Тоно прочно связывался в его сознании с Янагитой, он называл Тоно «небесами фольклористики», имея в виду синтоистское Небо, где были рождены боги, потомки которых проживают на японской земле. Таким образом, он практически открыто называл Янагиту небожителем. Что до истории создания дополнительных рассказов, то она в изложении Орикути выглядит так. *Сэнсэй* забыл и думать о расширенном издании, но его младший коллега Окамура Тиаки (1882–1941) собрал опубликованные и рукописные материалы уже покойного Сасаки, а ученик Орикути, Судзуки Сэйити, привел их в порядок. *Сэнсэй* прошелся по ним рукой мастера, вот и получилась новая книга Янагиты [Янагита 2016, 215–217]. То есть и расширенное переиздание тоже являлось литературной обработкой, а не публикацией материала таким, как он есть. Комментариев к тексту не прилагалось.

Собственно добавление к «Рассказам из Тоно» никогда не пользовалось особой популярностью, хотя собранные там тексты ничем не хуже опубликованных раньше. Их больше, в каких-то отношениях они информативнее (там представлено довольно много этнографических описаний обрядов вне привязки к какому-то конкретному происшествию). В расширенном варианте содержится больше буддийских преданий, больше рассказов о помощи будд и божеств, меньше страшного, меньше леденящих кровь рассказов о преступлениях. К этому времени Янагита уже отказался от своей горской теории и не старался запугать читателя первобытным варварством. Правда, рассказы про *тангу*, про коварную лисицу, способную превращаться в прельстительную девушку, по-прежнему занимали достойное место в повествовании.

Но новые времена все-таки пробиваются и в традиционные сюжеты. В качестве доказательства подлинности сведений о горном отшельнике приводится такой «неопровержимый» факт. Пришедшие полюбоваться цветением сакуры путешественники сфотографировались на память возле горного святилища. После проявки пленки обнаружили, что на фотографии появился незнакомец – это и был тот самый горный отшельник (№ 5). Зажатый между байками о нечисти, в разряд чудес попадает и рассказ о первом самолете, который пролетел над Тоно в 9 часов утра 24 января 1927 года (№ 236). Рассказчики нечасто, но все-таки подвергают сомнению заветы предков. В одном доме был сундучок, который запрещалось открывать. Предание гласило, что открывший его непременно ослепнет. Запрет соблюдался вплоть до настоящего времени, но новый глава дома сказал: пусть я и ослепну, но сундучок все-таки открою. И что же? Там обнаружился лишь кусок материи в сине-белую шашечку, а нарушитель заветов предков остался зрячим (№ 140). Единственный рассказ про каппу, который пытался затянуть в заводь лошадь, кончается его поимкой, извинениями и письменным обещанием вести себя впредь примерно (№ 178). А ведь всего четверть века назад каппы еще безнаказанно брюхатали крестьянок, а те потом не знали как избавиться от детей с красными рожами и перепонками между пальцами.

Дополнения записаны на стандартном современном языке и по стилистике не вытекают из дискурса своего времени. По содержанию они мало чем отличаются от других текстов подобного рода, которых к этому времени было собрано уже немало. Однако публикация расширенного варианта извлекла из небытия «Рассказы из Тоно», а после словие Орикути Синобу стало едва ли не первым признанием ценности этих рассказов со стороны ученого, а не литератора. Вслед за Орикути стали появляться отзывы и других специалистов, что отличало ситуацию 1930-х гг. от времени первого издания. За четверть века сформировалась профессиональная среда, юбилей Янагиты подвигал на хвалебные оценки, рецензенты именовали его не иначе, как сэнсэм, маркировали «Рассказы из Тоно» как начало японской этнологии и фольклористики. Таким образом, после 1935 г. Янагиту «назначили» на должность патриарха этой науки, а он от подобной роли не отказывался. Отрицательных рецензий опубликовано не было.

Янагита приобрел широкую известность в узких кругах профессионалов. Но и повторное издание «*Тоно моногатари*» все равно осталось достоянием только весьма ограниченного круга читателей. Для профессиональных фольклористов книга не отвечала элементарным стандартам записи устных текстов, широкая публика еще не доросла до «красоты» литературного стиля «Рассказов». Специалист по французской литературе Кувабара Такэо (1904–1988), научившийся у нее вниманию к стилистике, попробовал заикнуться о достоинствах стиля Янагиты (имелось в виду первое издание), посетовал, что за исключением Акутагавы Рюноскэ³ никто из писателей не оценил «Рассказы из Тоно», и даже несколько опрометчиво сравнил крошечный текст с монументальным собранием «Тысяча и одна ночь». Однако с его окончательным выводом все равно трудно не согласиться: без учета устной литературы неправомерно рассуждать о литературе письменной [Мураи 2004, 106]. Однако и Кувабара остался в итоге неслышанным. Орикути опубликовал в первом номере историко-этнологического журнала «Дольмен» за 1939 г. длинное стихотворение про то, как он купил в букинистическом магазине первое издание «Рассказов из Тоно», но стихотворение не произвело должного впечатления на публику, отчасти, видимо, потому, что не отличалось высокими художественными достоинствами. Следующего издания «Рассказов из Тоно» пришлось ждать до 1948 г.

В послевоенное время Янагита получил признание как со стороны правительства (награжден орденом Культуры в 1951 г.), так и со стороны общественности; см.: [Мещеряков 2018]. Однако пик его славы (уже посмертной) приходится на 1970-е гг., когда процвел дискурс, известный как *нихондзинрон* («разговоры о японцах»). В рамках этого дискурса обсуждались проблемы, связанные с идентичностью японской нации, было опубликовано огромное количество работ самого разного качества. Поскольку предметом занятий Янагиты была этнология японского народа, то неудивительно, что в то

же самое время случился и настоящий бум, связанный с его именем. Этот бум готовился еще в 1960-е гг. Огромная роль в его подготовке принадлежит литераторам. Знаменитый стихотворец Нисиаки Дзюндзабуро (1894–1982) с поэтической щедростью написал в 1962 г., что если бы не Янагита с его мистическим талантом, японские штудии первобытной истории и фольклористики находились бы в детском состоянии. После того как Янагита перестал быть чиновником в 1923 г., в течение десятилетий «с утра до ночи он, окутанный клубами табачного дыма, был погружен в мысли о Японии – отрешенный от всего другого, словно горный отшельник» [Усуи (ред.) 1972, 78].

На роль главного шедевра Янагиты были «назначены» «Рассказы из Тоно». Их первооткрывателем в это время оказался известный литературовед Соома Цунэо, который в 1961 г. опубликовал в журнале «Бунгаку» (№ 1) статью «Литературность этнологии Янагиты». Мимходом отметив познавательную ценность «Рассказов», Соома признавался, что это произведение затронуло глубины его души, что под силу только литературе. В «Рассказах» присутствует и «поэтичность крестьянского сердца», и острый взгляд наблюдателя, а энергичный стиль Янагиты отличается «здоровьем» и напоминает о средневековой литературе *эцува*. В предисловии к первому изданию «Рассказов из Тоно» Янагита поминал «*Кондзюку моногатари*», но скромно оговаривался, что его рассказы не выдерживают сравнения со средневековой мудростью. С тех пор прошло достаточно много лет, чтобы вставить «Рассказы из Тоно» в историю японской литературы.

Огромную роль в прославлении Янагиты сыграл один из самых знаменитых японских писателей XX в. Мисима Юкио (1925–1970). В последний год жизни он заявил в крупнейшей газете «Ёмиури» (номер от 12 июня), что «Рассказы из Тоно» являются для этнологов памятником зарождения их дисциплины, он же сам считает их выдающимся литературным произведением: стиль Янагиты скуп, «он бережет слова, как берегут золото».

Парадокс заключается в том, что стиль «Рассказов» является уникальным для творчества Янагиты. После «*Тоно моногатари*» он отказался от экспериментов с *бунго*. Многие произведения Янагиты представляют запись его лекций (при этом записи зачастую сделаны не им самим), что сообщает им налет откровенной небрежности. В подавляющем большинстве работ Янагита не «бережет слова», а транжирил их, плел из них «кружева», так что присущий ему стиль можно скорее охарактеризовать как весьма размытый, а временами даже невнятный. Поэт Ёсимото Такааки (1924–2012) сравнил его с бесконечным нанизыванием бусин [Номура (ред.) 1999, 77]. Нить, на которую нанизываются строфы или факты, зачастую не имеет ни начала, ни конца. Стиль Янагиты тягуч и далек от афористичности – его идеи можно излагать, но их трудно цитировать.

Проблема стиля вообще мало заботила позднего Янагиту. Автор, который заботится о стиле, не передоверяет другим людям излагать его мысли, как это столь часто случалось с Янагитой. На состоявшемся в 1940 г. «круглом столе» участники посетовали: молодые писатели, мол, совсем не заботятся о стилистике, одного от другого не отличить. Согласившись с ними, Янагита сказал: когда нет стилистических изысков, мысль становится яснее, а мысль – это главное для выявления личности писателя [Янагита 1992, 10].

Но в обращении со словами самого Янагиты, безусловно, обнаруживается так трудно передаваемый на других языках стилистический морок, текучая и обволакивающая прелесть. Японский литературный гений породил бесчисленное множество эссе – *дзуйхицу* («вслед за кистью»), в которых не соблюдаются требования строгой организации текстового пространства. Мисима похвалил Янагиту за строгость изложения, а вот Орикути Синобу в лекции 1946 г. под названием «Наука учителя» восхищался именно эссеистичностью творчества Янагиты, обнаруживая наибольшие достоинства в тех работах, где Янагита не утруждает себя бесконечными доказательствами, а напрямую приступает к выводам, в которые он «верит» [Хасикава (ред.) 2014, 22–24]. Может ли это служить похвалой для ученого, вопрос сложный, но оценка Орикути, несомненно, ближе к истине, чем формула Мисимы. Многие японцы уподобляют чтение произведений Янагиты блужданию по лабиринту.

Тем не менее оценка Мисимы понравилась этнологам и популяризаторам. В 1972 г. этнолог Макида Сигэру назвал «Рассказы из Тоно» «пагодой из золотых слов». В этом же году в предисловии к «*Тоно моногатари*» (издательство «Ямато сёбо») известный этнолог, литератор и поэт Танигава Кэнъити (1921–2013) написал, что топоним Тоно является для японской этнологии символическим — таким же, какими стали для археологии Яёи и Оомори. В токийском квартале Яёи впервые обнаружили керамику, которая дала название целому периоду (приблизительно соотносится с бронзово-железным веком), а в другом токийском районе, Оомори, в 1877 г. Э. Морс нашел первую «раковинную кучу» (помойку древнего человека), и это событие стало считаться началом японской археологии.

Настоящее тиражирование «*Тоно моногатари*» началось в 1972 г., когда переиздания «Рассказов» стали осуществляться каждый год по несколько раз в разных издательствах. До этого времени они были изданы 6 раз: в 1910, 1935 (расширенный вариант), 1948 (расширенный), 1951, 1955, 1969 гг. В 1975 г. появился английский перевод «*Тоно моногатари*»; см.: [Yanagita 2008]. Он был спонсирован правительственным Японским фондом, который ставит одной из своих основных задач распространение в мире выдающихся достижений японской культуры.

К прославлению «Рассказов из Тоно» стало присоединяться все больше людей. Немало этнологического пыла проявляли журналисты, по их толкованиям и пересказам, в которых фигурирует совсем не страшная и почти игрушечная нечисть, вполне можно заключить, что Янагита был детским писателем. В то же самое время многие этнологи тоже увлеклись журналистикой и стали находить в «Рассказах» то, чего там явно не было. Особенно показателен пример Акасака Норио — весьма известного действующего профессора-этнолога. За простодушными легендами и быличками «*Тоно моногатари*» он рассмотрел связь с доисторической Японией. Ученый буквально «почувствовал», что сквозь красную рожу каппы (№ 59) и красный цвет чашки, приплывшей по речке к добродетельной женщине и принесшей ее дому богатство (№ 63), проступает красный цвет первобытности, приплывший прямо из эпохи дзёмон [Акасака 1998, 251]. Конец эпохи дзёмон датируется III в. до н.э., когда никаких японцев не было и в помине. Особенно замечательно выглядит это «почувствовал»: глагол принадлежит словарю писателя, а не ученого.

Если оценивать ситуацию в целом, то всенародную славу обеспечила Янагита не столько его работа как ученого, сколько «литературность» его произведений, не столько «открытия», сколько воображение. Будущий лауреат Нобелевской премии по литературе Оэ Кэндзабуро тоже высоко оценил литературный стиль Янагиты и его смелость в части «воображения». В устах ученого вторая характеристика может выглядеть и как проявление скепсиса, но под пером литератора она превратилась в похвалу. Эта оценка касалась «Морского пути», другого знаменитого произведения Янагиты, в котором он вопреки всем имеющимся фактам доказывал, что предками японцев являются окинавцы. По мнению Оэ, Янагита с помощью талантливого поэтического дискурса сумел расширить границы своего «я», которое преодолевает время и внедряется в пласты древнейшего сознания, что превращает Янагиту в великого старца — рассказчика эпоса. Под мощным воздействием этого дискурса меркнут научные ошибки Янагиты, ибо он сумел добиться более важного: его творческое воображение пробудило творческое воображение других людей [Хасикава (ред.) 2014, 362–364].

В молодости Янагита забросил стихи и посчитал это занятие никчемным, отошел от литературного круга. Но следующее поколение литераторов все равно заключило его в объятия. Зрелый Янагита относился к «Рассказам» без особого пиетета, считал их произведением не столько научным, сколько литературным, но текст оказался исключительно живуч именно по причине литературности. В 2014 г. известный писатель Кёгоку Нацухико выпустил в издательстве «Кадокава» перевод (пересказ) на современный язык «Рассказов из Тоно» — честь, которой до этого удостаивались только прославленные произведения древней и средневековой словесности.

Примечания

¹ Очерк жизни Янагита Кунио см.: [Мещеряков 2017].

² Недавнее исследование жанра *эцува* и перевод одного из главных памятников см.: [Трубникова 2017].

³ Под влиянием собранных Янагитой фольклорных текстов Акутагава написал в 1927 г. сатиру на современную Японию – «Каппа» (в русском переводе – «В стране водяных»).

Источники и переводы – Primary Sources and Translations

Трубникова 2017 – *Трубникова Н.Н.* «Собрание песка и камней» в истории японской философской мысли. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017 (*Shasekishū* in Russian Translation).

Янагита 1992 – Янагита Кунио тайдансю [Сборник бесед с Янагита Кунио]. Токио: Тикума сёбо, 1992 (Yanagita, Kunio, *Collected Interviews*, in Japanese).

Янагита 2011 – *Янагита Кунио*. Кайдзё-но мити [Морской путь]. Токио: Иванами, 2011 (Yanagita, Kunio, *Kaijō no michi [The Way of the Sea]*, in Japanese).

Янагита 2016 – *Янагита Кунио*. Тоню моногатари [Рассказы из Тоню]. Токио: Кадокава, 2016 (Yanagita, Kunio, *Tono monogatari [Tono Legends]*, in Japanese).

Yanagita, Kunio (2008) *The Legends of Tono*, Translated by Ronald A. Morse, Lexington Books, Lanham, MD.

Ссылки – References in Russian and Japanese

Акасака 1998 – *Акасака Норю*. Тоню моногатари ко [Размышления о «Тоню моногатари»]. Токио: Тикума гакугэй бумпо, 1998.

Мещеряков 2014 – *Мещеряков А.Н.* Terra Nipponica: среда обитания и среда воображения. М.: Дело, 2014.

Мещеряков 2017 – *Мещеряков А.Н.* Этнолог Янагита Кунио: долгий путь к признанию / Япония 2017. Ежегодник. М.: Ассоциация японоведов, 2017. С. 223–245.

Мещеряков 2018 – *Мещеряков А.Н.* Янагита Кунио и его этнология в картине мира послевоенной Японии // Вопросы философии. 2018. № 3. С. 197–206.

Мураи 2004 – *Мураи Осаму*. Нанто идэороги-но хассэй. Янагита Кунио то сёкуминтисюги [Рождение идеологии «южных островов». Янагита Кунио и колониализм]. Токио: Иванами, 2004.

Номура (ред.) 1999 – Янагита Кунио дзитэн [Словарь Янагиты Кунио]. Под ред. Номура Дзюньити и др. Токио: Бэнсэй, 1999.

Усуи (ред.) 1972 – Янагита Кунио кайсо [Воспоминания о Янагите Кунио]. Под ред. Усуи Ёсими. Токио: Тикума сёбо, 1972.

Хасикава (ред.) 2014 – Янагита Кунио. Миндзокугаку-но сосися [Янагита Кунио. Основатель этнологии]. Токио: Кавадэ, 2014.

Voprosy Filosofii. 2019. Vol. 2. P. 94–106

Japanese Ethnologist Yanagita Kunio and His “Tono monogatari”. How Science Has Turned into Literature

Alexander N. Meshcheryakov

Yanagita Kunio (1875–1962), the most titled Japanese scholar-humanist, was posthumously awarded the Order of the Morning Sun, and granted the 3rd senior court rank. Encyclopedic dictionaries are attest Yanagita as the founder of Japanese ethnology. In its formation Yanagita really played a significant organizational role, he is the author of many works that are commonly called “ethnological”. However, in the mind of the general reader, his name is associated primarily with the folklore texts collection *Tono monogatari* (1910). During Yanagita lifetime, Tono tales were not very popular, but later they turned from peripheral text into a calling card of the famous scientist. At the same time in the creation of the all-Japanese cult of *Tono monogatari* the main role was played not by scientists, but by writers.

KEY WORDS: Japan, Yanagita Kunio, *Tono monogatari*, folklore, ethnology, literature.

MESHCHERYAKOV Alexander N. – Institute of Classical Orient and Antiquity of the Higher School of Economics.

DSc in Historical Sciences, Professor.

meshtorop@yahoo.com

Citation: Meshcheryakov, Alexander N. (2019) ‘Japanese Ethnologist Yanagita Kunio and His “Tono monogatari”’. How Science Has Turned into Literature, *Voprosy Filosofii*, Vol. 2 (2019), pp. 94–106 (In Russian).

DOI: 10.31857/S004287440003877-9

References

- Akasaka, Norio (1988) *Considerations on Tono monogatari*, Chikuma gakugei bunnō, Tokyo (in Japanese).
Hashikawa, Bunzō, Ed. (2014) Yanagita Kunio, Founder of Ethnology, Kawade, Tokyo (in Japanese).
Meshcheryakov, Alexander N. (2014) *Terra Nipponica: natural habitat and habitat of imagination*, Delo Publishing House RANEPА, Moscow (in Russian).
Meshcheryakov, Alexander N. (2017) “Yanagita Kunio: Long Way to Recognition”, *Japan 2017*, Yearbook, AIRO-XXI, Moscow, pp. 223–245 (in Russian).
Meshcheryakov, Alexander N. (2018) “Yanagita Kunio and His Ethnology in the World Picture of Post-war Japan”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 3 (2018), pp. 197–206.
Murai, Osamu (2014) *The Birth of South Islands Ideology, Yanagita Kunio and Colonialism*, Iwanami, Tokyo (in Japanese).
Nomura, Jun’ichi et al., Eds. (1999) *The Encyclopedia of Yanagita Kunio*, Bensei, Tokyo (in Japanese).
Usui, Yoshimi, Ed. (1972) *Remembering Yanagita Kunio*, Chikuma shobō, Tokyo (in Japanese).

Рассказы из Тono «Тono моногатари»

Предисловие к первому изданию

Все эти истории поведал мне Сасаки Кёсэки из Тono. Начиная с февраля прошлого 42-го года Мэйдзи (1909 г.) он часто навещал меня вечерами, и я записывал его рассказы. Хотя его нельзя считать умелым рассказчиком, этот человек заслуживает доверия. Я же не убавил – не прибавил ни единого знака, записывал так, как чувствовал. Полагаю, что таких рассказов в Тono насчитывается несколько сотен. Очень хотелось бы услышать их еще больше. В наших горных деревнях, еще более глухих, чем Тono, непременно обнаружатся бесчисленные предания о горных божествах и горных мужиках (ямаотоко). Пусть их расскажут, чтобы жители равнин содрогнулись. И тогда мы увидим нечто невиданное.

(Далее рассказывается о том, как Янагита впервые посетил Тono. – А.М.)

Полагаю, что эта книга идет вразрез с веяниями времени. Напечатать ее весьма просто, но наверняка найдутся люди, которые скажут: «Не имеет никакого смысла издавать ее и навязывать другим свои узколобые пристрастия». Отвечаю им так: «Сыщется ли человек, который, услышав такие истории и увидев Тono, смог бы молчать?» Любой из моих друзей – сколь бы молчалив и осторожен он ни был – не смог бы удержаться.

Девятьсот лет назад появилась книга «Стародавние повести», в которой повествуется о делах давно минувших дней. В моей же книге рассказывается о том, что творится на наших глазах. Разумеется, она не может сравниться со «Стародавними повестями» в части набожности и основательности, однако поскольку мало кто слышал эти истории и никто никогда не записывал их, честный и неиспорченный [составитель «Стародавних повестей» по имени Удзи] Дайнагон наверняка заинтересовался бы ими. Что

до более недавних «Ста преданий» («*Отोगи хякумоногатари*», сборник историй о приключениях 1706 г. — *А.М.*), то им не хватает широты взгляда, и я не мог бы поклясться в их достоверности. Однако было бы постыдно пытаться сравнивать старые истории с новыми. В этой книге представлены факты настоящего времени. Полагаю, что одного этого совершенно достаточно, чтобы оправдать ее существование.

Кёсэки сейчас 24–25 лет, я всего на десять лет старше. Я родился в эпоху, которая требует от нас многих свершений, и мне трудно отделить большое от малого, но было бы нестерпимо услышать упрек, что я не употребил свои силы на дело.

№ 3

Далеко в горах живут горные мужики. В деревне Тотинаи, что в Ване, до сих пор здравствует человек по имени Сасаки Кахэй, которому уже перевалило за 70 лет. Когда этот почтенный человек был еще молодым, он однажды отправился в горы на охоту. Зайдя уже далеко, вдруг увидел сидящую на скале прекрасную женщину. Она расчесывала гребнем свои длинные черные волосы. Ее лицо было очень белым. Кахэй был смелым мужчиной, он немедленно вскинул ружье и выстрелил. Пуля попала в женщину, она упала. Он подбежал к ней и увидел, что женщина велика ростом, а ее распущенные волосы длиннее ее самой. Желая иметь подтверждение своей смелости, он отрезал прядь, скрутил ее и спрятал за пазуху. На обратном пути его вдруг сморил сон, он отошел в тень и задремал. Когда он пребывал между сном и явью, к нему подошел высокий мужчина, засунул руку за пазуху, достал черную прядь и исчез. Тогда Кахэй проснулся. Он говорит, что то был горный мужик.

№ 7

Дочь крестьянина из деревни Камиго отправилась в горы собирать каштаны и не вернулась. Ее домашние решили, что она погибла, и устроили похороны. Вместо нее самой они похоронили ее подушку. Прошло несколько лет. Некий мужчина из этой деревни отправился на охоту. Когда он находился неподалеку от подножья горы Гоё, он обнаружил нечто вроде пещеры, образованной валунами. Там он неожиданно-негаданно увидел женщину. Они удивились друг другу, мужчина спросил женщину, как она сюда попала. Та отвечала: «Я пошла в горы, на меня напал страшный мужчина, он привел меня сюда. Я хотела убежать, но у меня никак не выходило». На вопрос о том, как выглядит ее похититель, женщина отвечала: «Видом он как другие люди, только ростом велик и глаза страшные. Я ему рожала детей, а он говорил, что на него не похожи, своими не признавал и куда-то утаскивал. То ли пожирал их, то ли просто убивал». Отвечая на повторный вопрос о том, выглядит ли он как обычный человек, женщина сказала: «И одеждой и всем остальным он как все, только глаза все равно немного другие. В промежутках между базарными днями сюда пару раз приходили такие же мужчины, поговорят о чем-то, потом уходят. Он приносит сюда еду и другие вещи, так что, думаю, он бывает в городе. Он может вернуться, пока мы здесь говорим».

Охотник испугался и ушел. С тех пор прошло уже лет двадцать.

№ 10–11

Яносукэ отправился далеко в горы за грибами и заночевал в шалаше. Глубокой ночью он услышал шемпящие сердце пронзительные женские крики. Вернувшись в деревню, он узнал, что этой ночью в то самое время, когда он слышал крики, его младшую сестру убил ее сын.

У сестры это был единственный сын. Ее отношения с невесткой были дурными, та часто сбегала в родную деревню и подолгу не возвращалась. В тот самый день невестка была дома и отсыпалась. Днем ее муж вдруг сказал: «Матери больше не жить. Сегодня я убью ее». Он достал серп, которым косил траву, и стал точить его. Увидев, что он не шутит, мать рассыпалась в извинениях, но только сын ее не слушал. Невестка поднялась с постели, заплакала и стала увещевать мужа, да только без толку. Когда мать

собралась выйти из дома, сын крепко-накрепко запер все двери. Мать сказала, что ей надо на двор по нужде, сын принес из отхожего места лохань и сказал: делай сюда!

Настал вечер, мать уже смирилась с судьбой, уселась на корточки возле очага и плакала. Сын хорошенько наточил серп и подошел к матери. Метя в левое плечо, он взмахнул серпом, но задел концом за полку с дровами, и удар вышел нехорош. Мать завопила – это были те самые крики, что слышал в горах Яносукэ. Тогда сын рубанул по правому плечу. Когда сбежались возбужденные односельчане, мать еще не успела умереть. Люди скрутили сына, вызвали полицию и сдали его. Это было время, когда полицейские были вооружены дубинами. Кровь из матери била водопадом, но когда она увидела, что ее сына уводят, она сказала: «Я умираю и не держу зла, поэтому прошу простить моего сына Магосиро». Всякий, кто слышал ее слова, был тронут до глубины души.

По дороге Магосиро пытался разогнать охрану и размахивал серпом. Его признали сумасшедшим, освободили, он вернулся домой. Он до сих пор живет в своем селе.

№15

Почитание Окунаи-сама (божества, культ которого распространен в районе Тохоку. – *А.М.*) приносит много хорошего. В деревне Цутибути, что в Касивадзаки, живут богачи Абэ. В деревне о них говорят, что Абэ – это «дом рисовых полей». Случилось так, что однажды у них не хватило рук для посадки риса. На следующий день небо хмурилось, стали ворчать, что часть полей останется без рассады. И тут вдруг откуда ни возьмись появился малый ростом мальчонка-монашек и предложил помочь. Ему дали работу. Когда настало время обеда, стали его звать, но он куда-то запропастился. Потом снова явился, хорошо трудился на поле до конца дня, так что весь рис посадить успели. Никто не знал, откуда монашек взялся, но когда позвали его вечерять, на закате он снова исчез. Когда вернулись домой, увидели маленькие, грязные следы на веранде, они повели в гостиную к божнице Окунаи-сама. Когда же открыли дверцы божницы, увидели что ноги божества испачканы до самой поясницы полевой грязью.

№ 22

Когда прабабушка Сасаки Кидзэна умерла от старости, собрались родственники, чтобы положить ее в гроб. В ту ночь все родственники спали в гостиной. Там же находилась и дочь покойницы, которая была не в себе, а потому муж оставил ее. В этих местах считается, что во время прощания с покойным огонь не должен гаснуть, а потому бабушка и мать Кидзэна не спали, усевшись по разные стороны очага. Мать поставила рядом с собой корзину с древесным углем и время от времени подбрасывала уголь в очаг. Тут она вдруг услышала звуки шагов возле черного хода. Это оказалась умершая старуха. Из-за того, что она горбатилась, подол ее одежды топорщился, задираясь наверх вышитым треугольником. В общем, она выглядела как при жизни, даже полосы на одежде были теми же. Мать охнула, а старуха прошла мимо женщин, задев подолом корзину с углем. Корзина была круглой, и она заходила кругами. Мать была сильной женщиной и посмотрела туда, куда отправилась покойница. Она прошла в гостиную, где спали родственники, оттуда раздались истошные крики сумасшедшей женщины: «Бабка пришла!» От этих криков все остальные проснулись. Они были сильно напуганы.

№ 55

В реках водится много капп. Особенно их много в реке Саругаиси. В одной семье, что живет у реки в деревне Мацудзаки, женщины беременели от капп в течение двух поколений. Рожденных от капп детей разрезали на куски, складывали в бочонки и хоронили в земле. Эти дети были ужасны обликом.

Муж одной женщины был родом из деревни Ниибари. Его дом тоже стоял на берегу реки. Глава семьи рассказал такую историю.

Вся семья ушла работать в поле. Когда уже собрались возвращаться, обнаружили, что невестка сидела на корточках возле реки и хихикала. На следующий день во время

дневного отдыха случилось то же самое. И так каждый день. Потом в деревне засудачили, что некий мужчина из этой деревни будто бы посещает невестку каждую ночь. Вначале он приходил только тогда, когда муж возил на лошадях грузы на побережье, но потом стал приходиться даже тогда, когда муж ночевал дома. Потом люди все громче заговорили, что к невестке повадился каппа, и вся семья следила за тем, чтобы этого больше не было, но только все без толку. Дошло до того, что мать невестки поселилась у дочери и спала рядом с ней. Но глубокой ночью все равно раздавалось хихиканье, мать понимала, что каппа снова здесь, но не могла даже пошевелить рукой. В общем, никто ничего не мог поделать. Роды были очень тяжелыми. Кто-то посоветовал налить в лошадиную кормушку воды и положить туда роженицу. Так, мол, легче родит. Так оно и вышло. Пальцы у ребенка оказались с перепонками. Судачат, что мать невестки тоже зачала от каппы.

Некоторые люди говорят, что такая карма может продолжаться дольше, чем в двух или трех поколениях. А семья та между тем верила в Будду, была богатой. Они были потомками самураев. Ее члены даже заседали в деревенском собрании.

№ 56

В некоей семье из деревни Камиго родился ребенок, похожий на каппу. Точных подтверждений тому не было, но только кожа у ребенка была краснющей, а рот — пребольшим. В общем, ребенок отличался крайним безобразием. [Человек из этого дома] решил избавиться от чудища, подхватил ребенка, отнес на развилку дороги и оставил там. Не успел он отойти далеко, как вдруг пожалел о содеянном: ведь он мог бы показывать ребенка за деньги! Он вернулся на развилку, но ребенка уже не было — схоронился куда-то.

Перевод со старояпонского А.Н. Мещерякова